

Цзи Бэйчуань посмотрел на Гао Цань, его речь была сбивчивой и быстрой:

— Скажи ты, скажи им, что я не твой сын. Скажи же!

Гао Цань, услышав это, почувствовала боль в сердце. Она заколола прядь волос за ухо и тихо прошептала:

— Да, ты не мой. Ты не мой ребенок.

Цзи Бэйчуань обрадовался и сказал Цзи Юаньшэну:

— Отец, ты слышишь? Ты слышал? Она говорит, что я не ее сын.

Цзи Юаньшэн с серьезным выражением лица приказал охранникам у двери:

— Ведите.

Охранники почтительно кивнули и через мгновение втащили двух мужчин. Два хулигана, уже напуганные до смерти, больше не думали о деньгах. По дороге они поняли, что деньги — это хорошо, но жизнь дороже. Связываться с Цзи Юаньшэном было опасно.

Старший дядя, втолкнутый в комнату, увидев всех, сразу все понял.

— Господин Цзи, господин Цзи...

Старший дядя пополз по полу:

— Это не моё дело, правда, это не моё дело! Это всё Цзи Бэйчуань заставил меня сделать, я ничего не знал!

Цзи Бэйчуань широко открыл глаза, словно готовый разорвать старшего дядю на части:

— Ты врешь!

Старший дядя, увидев Гао Цань рядом, добавил:

— Гао Цань, ты должна понять, это не я хотел выгнать твою семью. Это Цзи Бэйчуань, он заставил меня сделать это. Он узнал, что ты его родная мать, и велел мне с вами расправиться. Шэнь Чэн, Шэнь Чэн, прости меня, это не я хотел искать тебе неприятности, меня заставили!

Эти слова, словно тяжелый камень, упали в спокойную воду, вызвав бурю.

Гао Цань с недоверием посмотрела на Цзи Бэйчуаня, ее глаза были полны шока.

Цзи Бэйчуаню было неприятно под ее взглядом, он злобно крикнул:

— На что ты смотришь? Я тебе вообще не родня!

Его резкие слова стали последней каплей. Гао Цань пошатнулась. Недавние удары судьбы сделали ее и без того хрупкие нервы еще более чувствительными. Все эти годы она жила ради своего сына, хотя ее жизнь была полна неудач, она хотя бы создала своему ребенку идеальную жизнь с высоким стартом. Она жила в иллюзиях, не желая просыпаться, но теперь, словно окатили ледяной водой, она окончательно очнулась.

Тот, кого она хотела защитить всеми силами, тот, ради кого она готова была отдать все, оказался тем, кто загнал ее в тупик.

Ее жизнь была полным провалом.

Она ошиблась, с самого начала все было ошибкой, сплошным фарсом.

Гао Цань издала низкий, почти безумный смех:

— Как же мы можем быть не родней? Ты же ребенок, ради которого я отдала полжизни, которого едва не умерла, рожая. Сколько я страдала ради тебя, всё, что я делала, — всё ради тебя. Как мы можем быть не родней? Ты должен благодарить маму, если бы не я...

Цзи Бэйчуань:

— Замолчи!

Гао Цань подняла на него глаза, слезы текли по ее лицу, но она продолжала смеяться:

— Даже если я не скажу, факт не изменится. Бэйчуань, ты мой сын, ты сын Шэнь Дашаня. Сколько бы ты ни отрицал, это не изменится.

Сердце Цзи Бэйчуаня сжалось, словно под тяжестью камня. Он хотел возразить, но не смог произнести ни слова.

Гао Цань посмотрела на Шэнь Дашаня, стоящего на коленях, на Цзи Юаньшэна с нахмуренным лицом, на Шэнь Чэна, холодно смотрящего на нее издали. Она словно видела в нем другого человека. Она окинула всех взглядом, словно вспоминая что-то, и снова засмеялась низким голосом:

— Возмездие...

Ее смех становился все громче, превращаясь в рыдания и крики.

— Не то чтобы не было возмездия, просто время ещё не пришло...

Она говорила это себе, но, казалось, обращалась ко всем в комнате.

Затем

Женщина с громким смехом развернулась и бросилась к выходу, так быстро, что никто не успел среагировать. Шэнь Дашань запаниковал, он хотел догнать ее, но из-за своей хромоты двигался неуклюже и медленно.

Цзи Юаньшэн приказал охранникам:

— Идите за ней.

Охранники тут же бросились выполнять приказ.

Родители, наблюдавшие за всем этим снаружи, начали обсуждать произошедшее, перешептываясь:

— Вот это да, оказывается, детей перепутали.

— Шэнь Чэн, наконец, получил то, что заслужил.

— А Цзи Бэйчуаню теперь придется несладко, говорят, у Шэнь Дашаня семья в очень трудном положении.

Их разговоры были достаточно громкими, и часть из них доносилась до номера. Все внутри слышали их, и у каждого были свои мысли. Самым расстроенным был Цзи Бэйчуань. После ухода Гао Цань и Шэнь Дашаня он оказался в неловком положении и даже не осмеливался поднять глаза на Цзи Юаньшэна.

Чжэнь Мэйли, однако, нарушила тишину:

— Ребята, уже поздно, всем пора домой отдыхать.

Она наклонилась к Цзянь Шиу:

— Проводи одноклассников.

Пухляш послушно кивнул:

— Хорошо.

Собираясь проводить ребят, он заметил, что Шэнь Чэн стоит рядом с ним, с самого начала молчаливый. Цзянь Шиу немного заколебался, но в конце концов тихо сказал:

— Я скоро вернусь.

Шэнь Чэн:

— Иди.

Пухляш, получив разрешение, побежал провожать одноклассников.

Родители снаружи тоже зашли забрать своих детей, и вскоре номер опустел, став непривычно тихим. Осталось лишь несколько человек. Цзи Бэйчуань стоял ближе всех к Цзи Юаньшэну. Он осторожно поднял голову, чтобы попытаться понять, сердится ли отец, но Цзи Юаньшэн даже не посмотрел на него. Его взгляд был прикован к Шэнь Чэну, и в его глазах была сложная смесь эмоций, которую Цзи Бэйчуань никогда раньше не видел.

В следующее мгновение высокий мужчина сделал шаг к подростку, стоящему у окна.

Шэнь Чэн поднял глаза и встретился с ним взглядом. Это были почти такие же глаза, как у него самого, и лицо, так напоминавшее его покойную жену. Подойдя ближе, он увидел, что одежда Шэнь Чэна была поношенной и выцветшей. На его руках были мелкие шрамы, некоторые свежие, другие уже зажили, но все они оставили следы тяжелой работы. Видно было, какую жизнь прожил Шэнь Чэн. В то время как Цзи Бэйчуань в свои 14 лет жил в роскоши, Шэнь Чэн испытал множество лишений.

— Ребёнок...

Цзи Юаньшэну было больно смотреть на это. Президент компании, который годами скрывал свои эмоции, стоял перед подростком, который был на голову ниже его, и его чувства вырвались наружу. Его низкий голос дрожал:

— Я твой отец.

В комнате воцарилась тишина.

Обычно спокойный и уверенный Цзи Юаньшэн, стоя перед этим ребенком, вдруг почувствовал странное напряжение. Каждая секунда ожидания ответа от Шэнь Чэна казалась мукой. У него было высокое положение в обществе, состояние, которого хватило бы на несколько поколений, но перед Шэнь Чэном он был всего лишь несостоятельным отцом. Он чувствовал себя ни к чему не причастным и даже с некоторой осторожностью спросил:

— Тебя зовут... Шэнь Чэн, верно?

Подросток посмотрел на него и твердо сказал:

— Господин Цзи.

Цзи Юаньшэн напрягся. Обращение вызвало в нем чувство потери, но он и ожидал этого. Конечно, он понимал, что после десяти лет разлуки ребенок не сможет сразу принять его. Даже если Шэнь Чэн не проявлял к нему теплоты, в его сердце зародилось чувство нежности:

— Тебе не нужно называть меня господином. Если тебе неудобно называть меня отцом, можешь звать меня дядей.

Шэнь Чэн смотрел на него, как на незнакомца:

— Дядя Цзи.

— Да...

Цзи Юаньшэн смотрел на него, словно не мог насмотреться. За окном сверкали огни города, но в его глазах был только Шэнь Чэн. Решительный и властный мужчина с некоторой неуверенностью протянул руку, чтобы погладить волосы Шэнь Чэна, но подросток отвернулся, избегая прикосновения.

Шэнь Чэн поднял глаза, хотя и не сказал ни слова, в его взгляде читалась отстраненность.

Он был настороже и сопротивлялся.

Цзи Юаньшэн убрал руку. Хотя он чувствовал себя подавленным, он не рассердился. Привычно решительно он сказал:

— Машина ждет внизу. Поехали домой вместе.

Шэнь Чэн поднял бровь:

— Домой?

Цзи Юаньшэн кивнул, стараясь успокоить ребенка:

— Ты мой сын, конечно, мы поедем домой вместе. Там есть всё, что нужно, можешь не волноваться, там будет лучше, чем...